Старина про Тита

Как у князя Тимофея был почестен пир
Про тех было про князей, про боярей,
Про ту полоницу всю удалую.
Вышибала окно стеклянное,
Падала калена стрела на дубовый стол.
На каленой стреле ярлык написаный:
Подымается туча, гразь великая
Со той белостороночки восточной,
Едет Тит, похваляется:
«Ерусалимский город выжгу-выпленю,
Княжя Тимофея (в) полон вожьму,
Княгиню его за себя вожьму,
Подо мной, под Титом, сорок царей и сорок королей,
Под кажным царом по три тысячи,
Под самим Титом счету нет,
Отмечена силушка на сто верс(т),
На все на четыре дальни стороны».
Тут спроговорит княж Тимофей:
— Еще кто бы съеждил во чисто поле
Титу сопротивника,
Постоял бы за веру христианскую?
    От переднего стола ответу нет.
От-с переднего стола колесом пошла,
Тут ставал Данилишко Игнатьевич
На те белы ножки на резвыя,
На те бело сапожки зелен сафьян,
Кланяется понизешеньку:
— Я служил княжьям, княжевичам,
Таперя Данилишко состарелся,
Старим старик — девяносто лет,
Не могу, Данилишко, на коне сидеть,
Не могу, Данилишка, копьем шурмовать.
В чистом поле стоит дуб (к)рековистый,
У сырого дуба один отрастель, —
Как у меня, у Данилишка, есть чадо милое,

Свет по имени Михайлышко Данильевич.
Кабы был Михайлышко Данильевич пятнадцать лет,
Съеждил бы Титу сопротивнику,
А таперя, говорит, Михайлышку только двенадцать лет.
Что не стук застучал, братцы, во тереме,
Подводили карету златоковану
Звать Михайлышко Данильевич (а).
Приезжает Данильишка Игнатьевич:
— Поди, Михайло, тебя княжь жовет.
— На что зовет? — Про то не ведано.
Тут расплакался Михайлышко Данильевич:
— Еще кто про меня княжю скажал?
Не знают про меня ни князи, княжевичи.
Тут спроговорит Данильишка Игнатьевич:
— Пьянским я, говорит, делом призахвастался.
Пояхал Михайлышко Данильевич.
Крест кладет по-ученому,
Поклон дает по-писаному,
Княжю, княгине — по особице.
Подносили чару полтора ведра.
Берет чару единой рукой,
Выпивает чару единым духом.
Тут спроговорит Данильишка Игнатьевич:
— Съежди, говорит, моя дитятка, к Титу сопротивнику,
Постой за веру христианскую!
Поядешь, моя дитятка, во чисто поле,
Руби и плени силу бессчетную
Из бела денька до темной ночки,
С темной ночки до бела денька,
Поворачивай коня круто-накруто.
Пояхал Михайлышко Данильевич,
Увидал он сильюшку бессчетную,
Рубил-пленил из бела денька до темной ночки,
С темной ночки до бела денька.
Молодецко его сердце разгорелося,
Богатырские плеча размахалися,
Рубил-пленил из бела денька до темной ночки,
С темной ночки до бела денька.
В ту пору Михайлышка поранили.

Не могет Михайло на коне сидеть,
Не могет Михайло копьем штурмовать.
Поворачивал коня круто-накруто,
Разбежалась лошадь богатырская.
Выскакиват Данилишка Игнатьевич,
Берет его на белы руки,
Уносит (в) свою келию.
Он затеплил свечу воску ярую:
— Оживешь, мое дитятко, — свеча горит,
Умрешь, мое дитятко, — так свеча сгорит!
Сам выходит не (д)верми и не воротами,
Выламывает каменну стену.
Пояхал Данильишка Игнатьевич.
В чистом поле стоял дуб (к)рековистый.
Сырвал дуб из корени,
Увидал он силушку бессчетную,
Стал он эту силушку дубом:
Передь махнет — переулоцьки,
Назадь перемахнет — часты улоцьки.
Вшю он шилу дубом прибил,
Самого Тита живком шхватил
И привяживал коня в торока.
Привожит княжю Тимофею
И бросает ему на колени.
Прихлодит (в) швою келию:
Потухла свеча воску ярого,
Переставился Михайлышко Данильевич.
Тут спроговорит Данильишка Игнатьевич:
— Чего, княжь, сидишь, прохлаждаешься?
— Померкло мое красно солнышко,
Улетела звезда подвосточная,
Потухла свеча воску ярого —
Переставился Михайлышко Данильевич!
Сам бросался-кидался о кирпичевой мос(т),
Его косточки-суставчики не спозналися.

(Записал Л. Д. Травин 05.09 1928 г. от Н. Г. Чихачева в пос. Русское Устье на нижней Индигирке)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.